

Кр Р2
К95

ВАСИЛИЙ КУЧЕРЯВЕНКО

В АМЕРИКЕ

ПРИМИЗДАТ

Сергей Иванов

В борьбе за мир

Благородная идея борьбы за мир нашла живой отклик в творчестве приморских писателей. Вслед за сборником рассказов В. Кучерявенко «В Америке», разоблачающим хваленый «Американский образ жизни», появилась целая серия книжек. Среди них: сборник рассказов партизан «В боях за Советское Приморье», сборник рассказов моряков о странах капитала «Под чужим небом» и на эту же тему сборник очерков Г. Никитина «В дальнем плавании», сборник стихов А. Дракохруста «Миру быть на земле!», исторический очерк автора этих строк «Американские интервенты на советском Дальнем Востоке» и др. За последнее время Приморское краевое издательство выпустило в свет ещё несколько книг, посвященных разоблачению палаческих «подвигов» американских империалистов и рассказывающих о героическом труде советских людей во имя мира. Всё это свидетельствует о стремлении приморских писателей и краевого издательства активно вмешиваться в жизнь, быть боевыми помощниками партии в деле коммунистического воспитания широких масс трудящихся нашей страны.

Среди книг, выпущенных в свет, за последнее время обращают на себя внимание две: сборник очерков «Во имя мира» и сборник воспоминаний трудящихся Приморского края о кровавых злодеяниях американских интервентов в 1918 — 1920 годах — «Этого не забыть!»

В чем же достоинства и недостатки этих книг?

Благородная идея борьбы за мир находит яркое воплоще-

ние в трудовом героизме советских людей. Своим высокопроизводительным трудом они крепят дело мира, потому что знают, что чем сильнее будет Советский Союз, тем значительнее станет его роль на международной арене, тем надежнее будет дело мира во всем мире.

Этой теме и посвящен сборник очерков «Во имя мира». Он открывается очерком Г. Мокренка «Во имя мира». Автор рассказывает в нём о своей встрече с делегатом Второй Всесоюзной конференции сторонников мира, Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета РСФСР, знатной колхозницей Приморья Анной Антоновной Моисеенко.

Очерк знакомит читателя с прошлым родного для Анны Антоновны села Новицкого, где в годы гражданской войны не раз творили свои гнусные разбойничьи дела американские интервенты и их пособники. Он рассказывает о том, как изменился облик села и как духовно выросли его жители за годы советской власти.

«...— Большое ваше село? — спросил кто-то.

— Да, как вам сказать. Село обыкновенное. Есть школа, клуб, машинно-тракторная станция, два магазина, детские ясли, радио, электростанция — одним словом, всё что требуется. Наш колхоз обслуживают семь тракторов, два комбайна. В селе пять агрономов, три врача, одиннадцать учителей, много механизаторов, электриков, специалистов по животноводству...»

Читая это скупое перечисление фактов, невольно проникаешься гордостью за свою социалистическую Родину, за то, что принесла нашей стране советская власть, острее чувствуешь ненависть к американско-английским поджигателям новой войны, которые хотят всё это у нас отнять и разрушить.

Стремясь шире показать своего героя и раскрыть его духовный мир, автор рисует А. А. Моисеенку в разные моменты её общественной жизни. Вот она, вернувшись со Всесоюзной конференции сторонников мира, выступает с речью перед колхозниками родного села.

«Наше село Новицкое находится за много тысяч километров от центра, а Москва и от нас запросила своего представителя, чтобы решать такой важный вопрос, как борьба за мир. Слушала я выступления делегатов конференции и думала: главное наше оружие в борьбе за мир — это стахановский труд. Чем мы больше дадим своей Родине хлеба, тем она будет сильнее. Чем лучше будем работать, тем скорее коммунизм

построим. А построим коммунизм — значит, сделаем нашу великую Советскую державу неприступной крепостью для всех врагов мира».

Таковыми, умело найденными штрихами автор очерка хорошо, убедительно показывает, как проявляется у А. А. Моисеенко высокое сознание долга перед Родиной.

Очерк знакомит читателя и с тем, как «...Нещадно палило жгучее июльское солнце. Накаленная зноем земля не остывала даже по ночам... Три месяца не было дождя. Пересохли ручьи, поникли побуревшие травы, почернела ботва огородных культур. Над проселочными дорогами клубилась горячая, едкая пыль. Пройдет машина, поднимет за собой облако пыли, и оно часами висит в раскаленном воздухе.

Такого засушливого лета не могли припомнить в Новицком даже старики».

И вот в такое лето, наперекор всем трудностям, вооруженная агрономическими знаниями и движимая стремлением укрепить мощь своего государства, А. А. Моисеенко снимает невиданный для Приморья урожай картофеля.

Хорошо написанный очерк Г. Мокренка значительно выиграл бы, если бы автор показал своего героя в процессе непосредственной трудовой деятельности, в этом наиболее ярком и убеждающем качестве, характеризующем советского человека и его участие в борьбе за мир. К сожалению в очерке этого нет. Как только дело доходит до художественного показа сцен трудового героизма А. А. Моисеенко, автор переходит к публицистическим обобщениям, к беглому рассказу от своего имени.

В очерке С. Киселева «Председатель колхоза» рассказывается о том, как главный зоотехник Спасского райсельхозотдела Георгий Федорович Малков был избран председателем укрупненного колхоза в селе Прохоры.

«Когда при отъезде из города знакомые говорили ему, что в колхозе он забудет свою профессию и сделается только хозяйственником, Малков улыбался в ответ и говорил:

— Поживем — увидим.

С твердой уверенностью в том, что ему, человеку с высшим образованием, будет к чему приложить знания в колхозе, он уехал из города в село, поселился там в скромном беленьком домике и принялся за работу».

И автор умело показывает как трудится на новом поприще бывший зоотехник, неутомимый советский человек, не же-

лающий оставаться равнодушным ко всем недостаткам или неполадкам, встречающимся ему на пути.

«За селом без всякой пользы лежали два больших земельных массива. Родники выбрасывали на поверхность тысячи кубометров воды, которая разлилась на площади в несколько сот гектаров. Камыш да жесткая осока. Топь. Ступишь — и по колено в трясине. Ни кормов, ни водопоев для скота. И никому не было дела до этого болота». Однако новый председатель не мог примириться с таким положением. И вот:

«В голове колонны шел мощный гусеничный «Челябинец», на нем развевался красный флажок. Председателю это напоминало годы Отечественной войны, когда на дорогах встречались колонны боевых машин с пушками, на которых так же развевались красные флажки. Советские люди тогда вели эти машины в наступление.

— Но разве сейчас не наступление? — подумал Малков. — Наступление, да еще какое. Механизаторам предстоит отвоевать у болота сотни гектаров лугов».

И штурм начался.

«Скоро дорога оборвалась и начались кочки. За ними лежало болото. Ветер гнул камыш, шуршал сухой осокой, во многих местах поблескивали широкие озера. Тракторист Алексей Савин остановил машину, огляделся и присвистнул:

— Эге-е... вот оно мертвое болото какое, и впрямь засосать может вместе с трактором.

— Не засосет, — приободрил его Малков. — Разве наши танкисты не преодолевали в войну таких топей? А ведь у тебя машина не хуже танка... — И трактор медленно пошел вперед, слегка накренившись на одну сторону. Он мял камыш, вдавливал кочки. Позади оставалась узкая канавка, мгновенно заполнявшаяся водой...»

«...И вдруг трактор кренится, ложится на бок, глохнет мотор. Савин покидает сиденье, осматривает машину.

— Обыкновенный родник, образовавший яму. Трактор завяз. Эй, Гриша, — зовет он второго тракториста, — бери на буксир, вытаскивай!»

И «...когда по утрам начались заморозки, а лужи на болоте покрылись тонким льдом, всё уже было закончено. Главный канал и два отвода от него были прорыты. Мертвое болото отступило... И к пахотным землям ещё прибавилось около 600 гектаров. Весной часть этой площади засеяли пшеницей, часть оставили под пар».

Автор подробно рассказывает о том, как механизировались в колхозе все отрасли хозяйства, как растет и множится колхозное стадо, как растут колхозные доходы.

Очерк заканчивается разговором, начавшимся несколько лет назад.

«...— Ну, как, не забыли свою профессию? — спросили Малкова много времени спустя.

— Разве можно тут отстать!

Судя по тому, какие большие изменения произошли в жизни укрупненного колхоза после того, как Малков стал его председателем, он не только не отстал, а приобрел опыт, стал увереннее решать сложные вопросы колхозного производства».

Мы нарочно подробно остановились на этих двух очерках, так как они украшают сборник. К сожалению, этого нельзя сказать об остальных. Освещая ценный опыт и патристический труд большой группы передовых людей Приморья, они появились в свет по вине редактора сборника Л. Зельцмана неряшливо отредактированными, что значительно снижает их ценность. Исключение составляет, разве, только очерк М. Торчинского «Воспитатель чемпионов», который написан на профессиональном уровне.

Даже в лучшем очерке Г. Мокренка «Во имя мира», мы можем найти утверждение, что: «...Два с лишним года крутились тут бизнесмены проклятые, рыскали по деревням, селам и городам, всё прицеливались к нашему Приморскому «пирогу».

Нет, не «крутились» и не «прицеливались», а терзали наш Приморский край американские интервенты, и не только бизнесменскими, но и палаческими «подвигами» занимались они на нашей земле.

Неверно и то, что «Малков понял, что не один он беспокоится о колхозе» (очерк «Председатель колхоза»). Такой передовой человек, как Малков, не может сомневаться в заинтересованности окружающих его людей в судьбе колхоза.

Очерк В. Максимович «На речной магистрали» написан очень неровно, загроможден техническими терминами и перестроен литературными «огрехами». Но главный недостаток очерка в том, что буйная природа заполнила его настолько, что заслонила собой человека.

Вряд ли сам автор сумеет объяснить, почему Лысенко не может думать о том, как он достигнет вместе со сплавляемым

им лесом главной магистрали (стр. 19), и почему он должен думать о том «как идут дела в верховьях реки, что сделано у мостов, куда скоро должен поступить лес», (стр. 22-23), так как всем известно, что лес всегда сплавляется не к верховьям рек, а вниз по их течению.

В очерке К. Балашова «Призвание», рассказывающем о работе знатного рыбака Приморья Василия Алексеевича Путинцева, мы находим такое место:

«Оказалось, что выступивший также вел работы по устройству рыбонасоса, но никак не мог добиться отделения воды от рыбы.

— Есть, оказывается, люди, которые или не хотят, или не умеют заглянуть в завтрашний день, — думал Путинцев, — а поэтому топчутся на месте, боясь идти вперед».

Вряд ли нужно говорить, что подобный высокомерный вывод, приписываемый Путинцеву, лишен логики.

Очерк Л. Зельцмана «Токарь Косенко» скорее может быть назван статьей, чем очерком, настолько он сух по языку и изложению. Необходимо указать автору на то, что секретарь парткома в его очерке занимается не присущим ему делом, а его работа, как партийного организатора, совершенно не показана.

Только принципом «своя рука владыка» можно объяснить появление в сборнике очерка Л. Наумова «В лаве Тихона Горбанёва».

Напрасно редактор сборника Л. Зельцман спрятался за псевдоним Л. Наумова. Он не спасает его, т. к. читатели хорошо помнят, что в 1949 году этот же самый очерк вышел в свет в том же Приморском издательстве отдельной брошюрой, причём в то время его автором был Л. Зельцман, и назывался он в отличие от настоящего не «В лаве Тихона Горбанёва», а «В стахановской лаве Тихона Горбанёва». Сравнивая эти два очерка, мы легко убеждаемся в исключительной неряшливости их автора и редактора. Как в 1949 году, так и сейчас, спустя два года, очерк начинается словами: «Это было десять лет назад», а все ошибки, имевшие в нём место раньше, механически перекочевали и в настоящее его издание.

Очень поверхностно написан очерк А. Вахова «Путь ученого». Вместо увлекательного рассказа о том, как советские ученые разрабатывают важнейшие проблемы освоения природных богатств страны, мы находим описание таких случайных для П. А. Моисеева фактов, как пожар на самолете. Не верит

читатель А. Вахову, когда он утверждает, что богатое представление П. А. Моисеева о Дальнем Востоке «потускнело, когда всё это он увидел собственными глазами», так же, как не верит и в то, что «священный огонь справедливой мести за поруганную землю» в годы Великой Отечественной войны разгорался только на фронте. Мы знаем, что в годы Великой Отечественной войны фронт и тыл жили одними помыслами, одними чувствами, что в эти годы, как никогда, окрепло морально-политическое единство нашего народа.

Только редакторской небрежностью можно объяснить, что в очерке А. Петрова «Кузнец» говорится о том, что кузнец т. Чечвернёв, доведя «производительность труда до шести норм в смену», решает «выполнить этот заказ в пять раз быстрее», чем это предусмотрено нормой, причём никак не объясняется, чем вызвано такое снижение производительности труда.

В очерке Г. Крохалия «Рыбак из Приморья» написано: «В 1917 году они поселились в Тернее, где жил их племянник, отбывший перед этим каторгу на Сахалине». Всем известно, что каторга на Сахалине была закрыта в период русско-японской войны 1904—1905 гг.

Достоинства очерка Г. Никитина «Пар на марке» снижаются тем, что в нём пестрят такие малохудожественные фразы как: «Его строгий взгляд, словно ножом, резал душу главного старшины кочегаров»; «Расплавимся на котлах, а полный дадим!»; «Команду — «Полный вперед», — запрошенную с мостика, кочегары обеспечили» и др.

По неполным подсчетам количество допущенных в сборнике опечаток превышает цифру сто.

«Руки американских империалистов обогреты кровью русских людей. Советский народ никогда не забудет кровавых злодеяний, палаческих «подвигов», которые творили на нашей земле американские интервенты!»

Эти слова, сказанные П. Н. Пospelовым в докладе о 27-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина, взяты эпиграфом к сборнику воспоминаний трудящихся Приморского края о кровавых злодеяниях американских интервентов в 1918—1920 гг., выпущенному в свет Приморским краевым издательством, под общим названием «Этого не забыть!»

Своевременность и актуальность выпуска подобного сбор-

ника, разоблачающего подлые дела поджигателей новой войны, очевидна. В беседе с корреспондентом «Правды» товарищ Сталин прямо указывает, что «широкая кампания за сохранение мира, как средство разоблачения преступных махинаций поджигателей войны, имеет теперь первостепенное значение».

Таким образом, выпущенный сборник является вкладом в дело мира, он обличает империалистов США как ярых членовеконенавистников, применявших на нашей земле зверские методы уничтожения людей, позднее нашедшие широкое применение у немецких фашистов.

Сборник открывается статьей В. Чухланцева, в которой дается краткий исторический обзор американской интервенции на советском Дальнем Востоке.

«Политика мира и дружбы, провозглашенная и твердо проводимая советской властью с первого дня её существования, — пишет В. Чухланцев, — вызвала лютую ненависть к нашей стране со стороны американских империалистических хищников... Американский империализм выступил как активный организатор и вдохновитель военной интервенции против нашей страны. При этом воротили американских банков и трестов придавали особое значение Сибири и Дальнему Востоку, обладающим бесчисленными богатствами».

К сожалению статья В. Чухланцева страдает рядом досадных «пропусков» и неверных толкований. Она не вскрывает роли США как организатора военной интервенции против молодой Советской республики: в ней ничего не говорится о подлой роли США в Совете Антанты, о договоре с Японией «о взаимных действиях в связи с событиями в России», об организации контрреволюционного мятежа военнопленных чехословаков, под предлогом защиты которых от вооруженных якобы большевиками немецких военнопленных, правительство США послало свои войска на советский Дальний Восток, т. е. начало открытую военную интервенцию. Крупнейшим недостатком статьи является то, что в ней не вскрыта роль империалистов США в организации и разжигании гражданской войны на Дальнем Востоке. Не вскрывает тов. Чухланцев и всей лицемерной подлости политики так называемого «нейтралитета», которой прикрывались американские империалисты на первом этапе своего вторжения на русскую землю.

К числу наиболее досадных «описок» необходимо отнести утверждение В. Чухланцева, что в так называемом заговоре «союзных посланников» оказались якобы только «замешаны»

американский консул во Владивостоке Колдуэлл, посланник США в Китае Рейнш и американский адмирал Найт, в то время как широко известно, что все эти «дипломаты» были вдохновителями и организаторами заговора, предусматривавшего превращение Дальнего Востока и Сибири в американскую колонию.

Можно было ожидать, что вступительная статья как-то обобщит деятельность американских интервентов на нашей земле, но этого В. Чухланцев не сделал. В существующем виде вряд ли была необходимость публиковать её в рецензируемом сборнике.

Вся ценность сборника заключается в правдивых рассказах очевидцев и опубликованных рядом с их воспоминаниями фото-снимках, рисующих нам подлинный облик заокеанских завоевателей.

Страшную память оставили о себе американские интервенты на советском Дальнем Востоке. Как бы сегодня ни пытались наемные заокеанские борзописцы «обелить» эту кровавую страницу в кровавой истории американского империализма, им не удастся изгладить из памяти нашего народа ни одного из их черных злодеяний.

Трудящиеся Дальнего Востока никогда не забудут, как американские интервенты разрушали их города и села, грабили природные богатства, убивали советских патриотов, учиняли дикие кровавые расправы над женщинами, стариками и детьми, обстреливали из своих бронепоездов мирные села, а со своих кораблей из дальнобойных орудий громили рыбацкие поселки на побережье.

«Заняв село Петровку, — рассказывает бывший партизан Д. А. Гольцев, — они убили одного рыбака за сочувствие партизанам, зарубили жителя села Березовского, до полусмерти избили крестьянина Немцева, захватили и зверски замучили партизана Даниила Кириенко, отрезав у него уши и нос и выколол глаза».

«В деревню Казанку американский отряд ворвался, надеясь захватить в ней партизан, — вспоминает бывший партизан П. Я. Евсеев. — Но партизаны, нанеся врагу большие потери, отошли на новые рубежи. В Казанке остались только женщины и дети, не успевшие уйти в сопки, и слепой крестьянин старик Ерченко. Американцы схватили старика и потребовали, чтобы он сказал, куда ушли партизаны. Ерченко заявил, что он ничего не знает. Палачи стали бить его прикладами, колоть

штыками. Дочь Ерченко просила американцев, чтобы они пощадили её отца, но бандиты делали своё дело, стремясь поместить на беззащитном старике свою военную неудачу. Видя, что Ерченко им ничего не скажет, они тут же его расстреляли».

«Кровь стынет в жилах, когда я вспоминаю случай зверской казни, которую учинили интервенты над партизаном Шебалиным, — пишет житель поселка Краскино М. Ф. Точило. — Изувеченного до неузнаваемости Шебалина вместе с одним корейцем по фамилии Цой, заподозренном в сочувствии партизанам, интервенты живьем бросили в могилу и закопали».

Трусливые в бою с партизанами, американские интервенты беспощадно расправлялись с их беззащитными семьями. В деревне Веселый Яр американские интервенты сожгли дом партизана Бойчука, «разграбили всё имущество и схватили его беременную жену, — рассказывает бывший партизан А. П. Оленица. — Страшным пыткам подвергли эту женщину бандиты. Её пытали лично американский офицер и командир карательного отряда капитан Достовалов.

Когда мы обнаружили в помойной яме труп жены партизана, перед нами встала ужасная картина зверской расправы с безвинной беременной женщиной. Пальцы и ладони её рук были изрезаны мелкими полосами, из спины вырваны куски тела, груди подрезаны и выворочены, а коса была через рот протянута в перерезанное горло...»

«Обозленные своей неудачей, — рассказывает бывший партизан А. Я. Яценко, — американцы вступили в село Степановку, где мы находились до этого, и разгромили его. Запретив кому бы то ни было выходить на улицу, они закрыли снаружи двери всех домов, подперев их кольями и досками. Затем подожгли шесть домов с таким расчетом, чтобы ветер перебросил пламя на все остальные избы.

Перепуганные женщины, дети и старики стали выскакивать из окон, но интервенты уничтожали их штыками».

О человеконенавистничестве американских интервентов рассказывает в своих воспоминаниях бывший партизан М. А. Шпарийчук: «Летом 1919 года, — пишет он, — интервенты заняли село Яковлевку. Американское командование послало в районную больницу отряд, чтобы выявить среди больных большевиков и всех их расстрелять.

Над больными были учинены зверские пытки. После долгих мучений полумертвые люди были вытащены во двор и здесь перед глазами остальных больных их расстреляли».

В сборнике опубликовано более тридцати воспоминаний очевидцев палаческих «подвигов» американских интервентов на нашей земле.

К сожалению редактор А. Пономарев и составитель сборника А. Вахов не отнеслись с должной серьезностью к порученному делу. Рассказы очевидцев зверств американских интервентов появились в свет неряшливо отредактированными; они не систематизированы, им не предпосланы необходимые исторические комментарии. Не следовало бы, пожалуй, печатать рассказ А. Савицкого, который является не столько свидетельством очевидца, сколько справкой об исторической обстановке, в которой проходила интервенция, т. е. дублирует вступительную статью В. Чухланцева.

В целом же сборник «Этого не забыть!», несмотря на указанные недостатки, является ценным вкладом в дело разоблачения американских империалистов. Желательно, чтоб Приморское издательство переиздало сборник в значительно расширенном виде. Необходимо шире и разностороннее показать деятельность не только американских интервентов, но и их союзников японцев и англичан, а также их ставленников — различных претендентов на российский престол, белогвардейских атаманов и генералов. Следует шире и разностороннее показать палаческие «подвиги» интервентов путем фотоснимков, сопроводив их необходимыми документальными справками. Не лишним будет опубликовать в сборнике цифры, характеризующие убытки, причиненные нашему краю американскими интервентами и их союзниками.